

Миграционные процессы на постсоветском пространстве: Россия и особенности внешней трудовой миграции

Михаил А. Бурда

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия,
burdam584@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются миграционные процессы на постсоветском пространстве, относительно Российской Федерации, как главного центра миграционного притяжения. В научной оборот вводятся эмпирические данные, характеризующие некоторые миграционные показатели в 2022 году на основании которых выявляются особенности внешней трудовой миграции в Россию. Автор анализирует количественные и качественные показатели внешней миграции на основании не только статистических данных, но и нормативных правовых актов, что позволяет определить соотношение миграционных потребностей и миграционных вызовов, с которыми сталкивается российское общество, в целом негативно воспринимающее реализуемую в государстве миграционную модель. В заключении предлагаются меры, позволяющие по мнению автора, повысить эффективность реализуемой государственной миграционной политики и снизить конфликтный потенциал внешней миграции.

Ключевые слова: миграция, государственная миграционная политика, миграционные процессы, внешняя трудовая миграция, постсоветское пространство, рынок труда

Для цитирования: Бурда М.А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве: Россия и особенности внешней трудовой миграции. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(4):399–407. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-399-407>

Поступила 15.05.2022

Принята в печать 10.08.2022

Опубликована 25.12.2022

Migration Processes in the Post-Soviet Space: Russia and the Peculi

Mikhail A. Burda

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,*

burdam584@gmail.com

Abstract: The article considers migration processes in the post-Soviet space, relative to the Russian Federation, as the main center of migration attraction. Empirical data are introduced into scientific circulation, characterizing some migration indicators in 2022 on the basis of which the features of external labor migration to Russia are revealed. The author analyzes quantitative and qualitative indicators of external migration on the basis of not only statistical data, but also regulatory legal acts, which makes it possible to determine the ratio of migration needs and migration challenges faced by Russian society, which generally negatively perceives the migration model implemented in the state. The conclusion proposes measures that allow, according to the author, to increase the effectiveness of the implemented state migration policy and reduce the conflict potential of external migration.

Keywords: migration, state migration policy, migration processes, foreign labor migration, post-Soviet space, labor market

For citation: Burda M.A. Migration Processes in the Post-Soviet Space: Russia and the Peculi. *Post-SovietIssues*. 2022;9(4):399–407. DOI:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-399-407>

Received 15.05.2022

Revised 10.08.2022

Published 25.12.2022

ВВЕДЕНИЕ

Постпандемийный 2022 год продемонстрировал устойчивую тенденцию восстановления объемов и направлений миграционных потоков на постсоветском пространстве. Снятие антиковидных ограничений внутри государств, открытие границ, интенсифицировали миграционные процессы, направленные в Российскую Федерацию, в первую очередь из государств центрально-азиатского региона. Анализируя информацию МВД России — главного органа исполнительной власти в сфере выработки и реализации государ-

ственной миграционной политики, а также осуществляющего статистический учет различных миграционных данных, мы можем констатировать практически возвращение к допандемийным количественным показателям внешней миграции, даже по итогам 9 месяцев 2022 года.

По экспертным оценкам в допандемийные 2017–2019 гг. на территорию Российской Федерации ежегодно въезжало порядка 15–16 млн иностранных граждан, средняя численность иностранцев стране фиксировалась на уровне 10–12 млн, из ко-

торых большая часть пребывала с целью осуществления временной трудовой деятельности, а государства исхода мигрантов были обусловлены сложившимися в постсоветское время миграционными маршрутами — Евроазиатским миграционным коридором [1].

Формирование евроазиатского миграционного коридора обусловлено особенностью миграционного режима Российской Федерации в отношении государств СНГ, что в определенной степени предопределяет зависимость российского рынка труда от притока иностранной рабочей силы, прежде всего, из постсоветских государств центрально-азиатского региона [2]. Говоря о миграционном режиме Российской Федерации в отношении граждан из государств-членов СНГ выделим отсутствие необходимости оформления трудовых виз и разрешений на работу, вместо которых оформляются патенты. На наш взгляд, именно эти два условия, сформировали имеющийся уровень приоритетов в российской миграционной политики [3].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании, в целях определения закономерностей, особенностей и противоречий реализации государственной миграционной политики Российской Федерации были использованы диалектический и компаративные методы, в качестве методов обработки эмпирического материала применялись количественные методы исследования.

В настоящее время миграционные показатели возвращаются к своим обычным для России, как главного центра миграционного притяжения на постсоветском пространстве, показателям. Так, по данным Министерства внутренних дел, по итогам 2021 года в России на миграционный учет было поставлено всего порядка 12,8 млн

иностранцев граждан, а за 9 месяцев 2022 уже 12,3 млн. Апеллируя к представленным данным следует отметить, что большинство внешних мигрантов (порядка 8,9 млн чел.) указывают в качестве цели въезда работу, а, следовательно, внешняя миграция в Российскую Федерацию носит устойчивый «трудовой» характер. Кроме того, достаточно интересными представляются количественные показатели отдельных государств-доноров внешней миграции и российских регионов-реципиентов миграции. Например, рассматривая такой показатель, как количество иностранных граждан, зарегистрированных по месту пребывания в течении 9 месяцев 2022 года, мы можем отметить лидерство по этим показателям Республики Узбекистан (4,8 млн чел.), Республики Таджикистан (3,2 млн чел.) и Киргизской Республики (0,8 млн чел.). Наиболее популярными регионами Российской Федерации с точки зрения временной регистрации являются Москва (2,9 млн чел.), Московская область (1,5 млн чел.), Санкт-Петербург и Ленинградская область (1,5 млн чел.), Краснодарский край (0,4 млн чел.), Свердловская область (0,26 млн чел.), Республика Татарстан (0,24 млн чел.), Самарская область (0,2 млн чел.) [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя количественные показатели внешней миграции, следует обратить внимание и на ее качественный состав, особенно в контексте задач, которые должна реализовывать государственная миграционная политика, определяемая соответствующей Концепцией [5]. В этой связи, Н.А. Воронина, В.А. Суворова и В.А. Волох отмечали, что «Для выхода из кризиса и обеспечения стабильного развития экономики России нужен качественный человеческий капитал — специалисты, обладающие

передовыми знаниями в различных областях экономики, включая область новейших технологий, и высокими профессиональными характеристиками» [6].

Вместе с тем, в российском миграционном поле правовые дефиниции, касающиеся определения критериев «высоких профессиональных характеристик», «передовых знаний» носят весьма условный характер. Да, являющийся в настоящее время одной из основ российского миграционного законодательства, федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» выделяет категорию «высококвалифицированный специалист», определяя таких иностранных граждан как лиц, имеющих «опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности» [7]. Однако о каком именно опыте, навыках и достижениях идет речь в законе не указано, что отдаст оценку приведенных критериев на откуп работодателю. При этом, непосредственно в федеральном законе уровень квалификации привязывается исключительно к конкретным показателям заработной платы, которую работодатель готов выплачивать такому иностранному работнику в календарный месяц, или год.

Еще одним инструментом привлечения на российский рынок труда иностранных граждан, обладающих определенным уровнем подтвержденной квалификации, является Приказ Минтруда России от 5 апреля 2022 № 199н «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан и лиц без гражданства — квалифицированных специалистов, имеющих право на прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» и Приказ Минтруда России № 58н от 14 февраля 2022 г. «Об утверждении перечня профессий (специ-

альностей, должностей) иностранных граждан — квалифицированных специалистов, трудоустраивающихся по имеющейся у них профессии (специальности), на которых квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу не распространяются».

Иных механизмов выделения квалифицированных и высококвалифицированных работников российскими миграционными практиками на законодательном уровне не предусмотрено. Следует отметить, что за 9 месяцев 2022 года в качестве квалифицированных работников на российский рынок труда было привлечено 5382 человека, а высококвалифицированных — 24 711 человек, при этом не подпадающим от указанные критерии иностранным работникам было оформлено почти 1,6 млн патентов [8].

Интересным представляется состав государств, которым в наибольшем количестве выдавались разрешительные документы на осуществление временной трудовой деятельности в Российской Федерации:

Квалифицированные специалисты — Китай (2095), Вьетнам (678), Сербия (611), Индия (586). Высококвалифицированные специалисты — Китай (8111), Турция (7468), Индия (1762), Сербия (644), Вьетнам (494), Республика Корея (684), Таиланд (463), Германия (325), Франция (320), Италия (309).

Патенты — Узбекистан (939 872), Таджикистан (608 884), Азербайджан (37 382) [4].

Следует отметить, что граждане Киргизской Республики не отражены в вышеуказанных статистических данных в силу положений Договора о Евразийском экономическом союзе осуществляют временную трудовую деятельность в России без необходимости оформления соответ-

ствующих разрешительных документов (патентов и разрешения на работу) [9].

Учитывая фактически отсутствие критериев качественной дифференциации иностранной рабочей силы, можно сделать вывод о том, что в такой модели миграционной политики в большей степени учитываются интересы бизнеса, его потребности в дешевой рабочей силе и внешняя миграция рассматривается как потребность государства во внешних трудовых ресурсах ввиду имеющейся нагрузки на экономику и дефицит на рынке труда. Иными словами, именно за счет количественного привлечения внешних мигрантов планируется решить проблемы не только дефицита рабочей силы, но и демографии, через механизмы замещающей миграции.

Дальнейшее развитие подобной модели, направленное на максимизацию внешней миграции, потребует еще большего упрощения разрешительных процедур, которое будет лоббироваться в рамках представительства диаспоральных интересов, заинтересованности отдельных представителей бизнеса в еще большем количестве неквалифицированной рабочей силы и ее привлечения в отдельные сферы — строительство и жилищно-коммунальное хозяйство. При этом, такой подход не способствует производительности экономики, ее технологичности, так как она становится еще больше ориентированной на дешевый труд, в том числе и в теневом секторе.

Очевидно, что такой подход не находит, понимая в российском обществе, фиксирующем необходимость упорядочения миграционной политики и принятия к внешней миграции комплекса рестриктивных мер [10]. Кроме того, не оцениваются риски социально-политической напряженности в принимающем обществе, связанные с изменением этнокультурного баланса. Так, отдельные социологические исследования

фиксируют достаточно высокий уровень негативного восприятия мигрантов местным населением. При этом можно проследить зависимость общественного восприятия от количества иностранных граждан.

Например, мнение о том, что внешние трудовые мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей, разделяют 44 % россиян, 49 % согласны с суждением, что зарплаты местных жителей повысятся, если на рынке труда не будет мигрантов [11].

Идею ограничивать приток трудовых мигрантов в Россию в 2017 году поддерживало 58 % россиян, в 2020 — 73 %, а в 2021 — 68 % [12]. На наш взгляд, небольшое снижение доли сторонников ограничительных мер обусловлено периодом пандемии. По экспертным оценкам, в период распространения COVID-19 ввиду предпринятых Российской Федерацией ограничительных мер, связанных с закрытием границ (закрытием аэропортов, пунктов пересечения сухопутной и морской границы) количественные показатели внешней миграции сократились почти в два раза [13].

Следует отметить, что восприятие россиянами мигрантов нельзя считать однородным и оно в определенной мере разнится в зависимости от региона, возраста, социального статуса местных жителей. Вместе с тем, исследования показывают больший уровень негативного восприятия мигрантов именно в тех регионах, где их количество показывает наибольшие показатели, как например в г. Москве [14].

Выше мы говорили об определенной избирательности иностранных граждан с точки зрения их распределения по субъектам Российской Федерации, где в этой связи особого внимания заслуживает проблематика недопущения формирования мест компактного проживания иностранных

граждан, которые в настоящее время уже имеют место быть вокруг рынков «Садовод» и «Фудсити» в Москве и Подмосковье.

Основными предпосылками, способствующими возникновению неконтролируемых миграционных потоков, появлению «теневой занятости» и «анклавного» проживания является отсутствие системных подходов и мер, связанных с социокультурной адаптацией и интеграцией иностранных граждан в принимающем государстве и их доиммиграционной подготовкой в государстве исхода. Процессы урбанизации в таких центрах миграционного притяжения, увеличение доли приезжих относительно местного населения оказали существенное влияние на социокультурный аспект миграции. В этой связи, необходимо говорить о влиянии миграции на трансформацию общества в части новых культурных кодов, поведенческих стереотипов, внутренней коммуникации, которые взаимосвязаны с изменением этнической структуры принимающего общества, повышения конфликтности межэтнических отношений, роста социальной напряженности, вызванного защитой идентичности.

Достаточно значимым аспектом реализуемой в Российской Федерации модели миграционной политики является преступность в мигрантской среде, рост которой фиксируют правоохранные органы Российской Федерации. Так, за 9 месяцев 2022 года иностранными гражданами 30,9 тыс. преступлений, что на 10,8 % больше, чем за январь — сентябрь 2021 года. В том числе гражданами государств — участников СНГ — 25,4 тыс. преступлений (на 17 % больше) [15]. По информации Следственного комитета Российской Федерации в 2022 году наибольшие показатели преступлений мигрантов фиксируются в Московской области, Москве и Санкт-Петербурге [16].

Принимающее общество не может не реагировать на криминализацию мигрантов и в связи с этим активно выступает против реализации имеющейся модели миграционной политики, обоснованно связывая количество мигрантов с ростом криминала и конфликтного потенциала в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, говоря о миграционных потоках, направленных в Российскую Федерацию, можно выявить следующие особенности:

Во-первых, миграционная привлекательность России на постсоветском пространстве остается максимально высокой, количественные показатели внешней трудовой миграции после снятия антиковидных ограничений возвращаются к допандемийному уровню.

Во-вторых, на современном этапе внешняя миграция в Россию по-прежнему представляет массовую неквалифицированную миграцию рабочей силы, прежде всего из центрально-азиатских государств — Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Такой подход не способствует повышению роста технологичности российской экономики, роста ее производительности, а делает ее все более ориентированной на дешевый, неквалифицированный труд.

В-третьих, сопоставление количества оформленных разрешительных документов — патентов и количества оформленных временных регистраций позволяет говорить о высоком уровне нелегальной трудовой деятельности. Иностранные граждане, в первую очередь из Узбекистана и Таджикистана используя упрощенный порядок въезда в Российскую Федерацию используют возможности легального временного пребывания и при этом осуществляют нелегальную трудовую деятельность.

В-четвертых, сложившиеся в России регионы — центры миграционного притяжения сталкиваются с процессами формирования компактных мест проживания иностранных граждан, что вызывает рост криминализации мигрантских сообществ, а также обуславливает негативное восприятие местными жителями мигрантов, в совокупности являясь одним из факторов роста конфликтности и социальной напряженности.

Принимая во внимание указанные факторы, которые мы можем отнести к рискам реализуемой в России в настоящее время модели миграционной политики, в качестве механизмов, направленных на повышение ее эффективности и снижения конфликтного потенциала процессов внешней миграции, предлагается более пристальное внимание уделить практике реализации механизмов организованного привлечения внешних трудовых мигрантов к конкретным работодателям, на установленный срок с последующим обязательным возвратом в государство исхода. Институт соответствующих международных соглашений уже заложен МВД России, однако соглашения носят рамочный и декларативный характер, в настоящее время не представляя собой полноценный механизм реализации миграционной политики.

Именно механизм организованного набора потенциально позволяет осу-

ществлять все мероприятия, связанные с доиммиграционной подготовкой (подтверждение квалификации, медицинское обследование, проверка на знание русского языка /изучение русского языка и др.) в государствах исхода мигрантов, не перекладывая эти заботы на государство приема.

Кроме того, представляется актуальным дифференциация национального миграционного законодательства в целях формирования преференций для востребованных категорий (профессий), которыми обладают мигранты и ужесточения миграционных барьеров для нежелательных, неквалифицированных, не знающих русского языка мигрантов, в том числе и рамках введения визового режима.

Достаточно очевидным представляется усиление ответственности за нарушение миграционного законодательства иностранными гражданами, расширение механизмов депортации и выдворения нарушивших российские законы мигрантов, усиления ответственности за организацию нелегальной миграции, посредничество и пособничество в организации данного процесса в отношении должностных лиц, как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровне, а также повышение ответственности работодателя за незаконное привлечение иностранных граждан и ненадлежащее исполнение заключенного с иностранным гражданином трудового договора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волох В.А., Курдюмов Н.В. Пандемия: проблемы управления международной трудовой миграцией. *Власть*. 2021;29(4):139-145.
2. Михайлова Н.В., Бурда М.А., Гришин О.Е. Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020;4(142):9-15.
3. Зорин В.Ю., Герасимова И.В., Бурда М.А. Потенциал и особенности реализации государственной программы по переселению соотечественников. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2021;1:61-71.

4. МВД России. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — сентябрь 2022 года с распределением по странам и регионам. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/33289297/> (дата обращения: 13.04.2022).
5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Президентом РФ от 13.06.2012. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 13.04.2022).
6. Воронина Н.А., Суворова В.А., Волох В.А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии. *Власть*. 2020;28(4):26.
7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/184755/7cb9e0279cd84d282026d8d6345390d4/> (дата обращения: 13.04.2022).
8. МВД России. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — сентябрь 2022 года. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/33289778/> (дата обращения: 13.04.2022).
9. Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: https://base.garant.ru/70670880/#-block_971 (дата обращения: 13.04.2022).
10. Монусова Г.А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;6:436-458.
11. ВЦИОМ. Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> (дата обращения: 13.04.2022).
12. Левада-Центр. (Внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента). Ксенофобия и мигранты. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 13.04.2022).
13. Красинец Е.С. Международная трудовая миграция в развитии современной России. *Народонаселение*. 2022;25(2):104-115.
14. Демидова О.А. Отношение к мигрантам в России: региональный аспект. *Пространственная экономика*. 2021;3.
15. МВД России. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2022 г. URL: <https://мвд.пф/reports/item/33388812/> (дата обращения: 13.04.2022).
16. Московская область стала первой в рейтинге миграционной преступности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5748782> (дата обращения: 13.04.2022).

REFERENCES:

1. Volokh V.A., Kurdyumov N.V. Pandemic: problems of managing international labor migration. *Power*. 2021;29(4):139-145. (In Russ.).
2. Mikhailova N.V., Burda M.A., Grishin O.E. State migration policy of Russia: topical issues of external labor migration. *Ethnosocium and interethnic culture*. 2020;4(142):9-15. (In Russ.).
3. Zorin V.Yu., Gerasimova I.V., Burda M.A. Potential and features of the implementation of the state program for the resettlement of compatriots. *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2021;1:61-71 (In Russ.).
4. Ministry of Internal Affairs of Russia. Separate indicators of the migration situation in the Russian Federation for January — September 2022 with distribution by countries and regions. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/33289297/> [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).
5. The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period until

2025. Utv. By the President of the Russian Federation dated 13.06.2012 .URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).
6. Voronina N.A., Suvorov V.A., Volokh V.A. Migration policy in a new reality: a way out of the pandemic. *Power*. 2020;28(4):26. (In Russ.).
7. Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation”. URL: <https://base.garant.ru/184755/7cb-9e0279cd84d282026d8d6345390d4/> [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).
8. Ministry of Internal Affairs of Russia. Summary of the main indicators of activity on the migration situation in the Russian Federation for January — September 2022. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/33289778/> [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).
9. Eurasian Economic Union Treaty. URL: https://base.garant.ru/70670880/#block_971 [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).
10. Monusova G.A. Attitude towards migrants: opinions and doubts of Russians. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2021;6:436-458. (In Russ.).
11. VTSIOM. Labor immigrants in Russia: contribution, position, attitude. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).
12. Levada Center. Entered by the Ministry of Justice in the register of non-profit organizations performing the functions of a foreign agent. Xenophobia and migrants. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).
13. Krasinets E.S. International labor migration in the development of modern Russia. *Population*. 2022;25(2):104-115 (In Russ.).
14. Demidova O.A. Attitude towards migrants in Russia: regional aspect. *Spatial economy*. 2021;3. (In Russ.).
15. Ministry of Internal Affairs of Russia. The state of crime in Russia for January-September 2022. URL: <https://мвд.рф/reports/item/33388812/> [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).
16. The Moscow region became the first in the ranking of migration crime. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5748782> [Accessed: 13.04.2022] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Михаил А. Бурда, кандидат политических наук, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 82, burdam584@gmail.com

Mikhail A. Burda, Candidate of Political Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky avenue, Moscow, 119571, Russia; burdam584@gmail.com